ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

10

2015

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Разговаривая в больничном коридоре, пожилой пациент назвал не очень обычную причину своей слепоты…

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
СЕНО СПАСАЛ

По возрасту все чаще приходится мне в больницах бывать, у врачей. У глазного доктора и вовсе, считай, прописка постоянная. Сладкого в этом мало: очереди, долгое и долгое ожидание, теснота коридоров, своя боль, а рядом — чужая: в рассказах да жалобах; много детворы; на них глядишь, вовсе душа вянет.

Один из походов. Четвертый этаж клиники. Очередь к врачебному кабинету; а потом — к процедурному, там — уколы. Но людей меньше, чем на этаже первом. Вдоль стены — стулья, есть свободные. Можно сидеть. Ожидание обычно долгое. Коротаем его в негромких беседах, которые все о том же, о хвори. Печальные повести, со вздохами да охами. Так бывает всегда.

Но нынче, от себя недалеко, услышал я разговор иной: семейные да соседские новости, порой с удивлением, хохотком — живой говорок, словно в обыденной, не в больничной жизни.

Старый человек, сухонький, седенький, голову держит высоко, чуть закинув. Его собеседник — много моложе. По облику и стати — сын. Обычное дело: плохо видящий или вовсе слепой отец, а с ним помощник, для сопровождения по врачам да кабинетам. Не вперебив и не разом, разговор их журчал и журчал, скрашивая тоскливое больничное ожидание.

К людям разговорчивым, словно на огонек, невольно тянутся. Так было и нынче. И конечно же, в конце концов беседа повернула к обычному: как да что…

— Он у нас сено спасал, — усмешливо сообщил молодой.

Его не поняли.

— Пожар, что ли? Горело?

— Навовсе сгорело. Темная ночь, — пожаловался старик, вздымая незрячие глаза. — А во сне все явственно вижу, как молодой. Все дочиста. Весь хутор.

— Ничего… — успокоил старика женский голос. — Операцию сделают, будешь опять глядеть.

— Делали операцию, — сказал старик. — Хорошую, дорогую, сынам спасибо. Но не уберегся… Доктор упреждал, они же всегда говорят: после операции не нагибаться, тяжельше ложки ничего не поднимать, лишь дыши да и то через раз. Но это в городе хорошо. А на хуторе… Сено меня подвело. Это как раз после Троицы случилось. На Святую мне операцию делали. Я приехал, берегся. А потом привезли сено. Тележку трактор притянул, на забазье свалили. Такое расхорошее сено. Я глядел, радовался.

Степовое сенцо, пахучее, зеленое. Как говорится, пуд сена что пуд меда. Сын обещал после работы подъехать, сложить его.

А тут, как на грех, стало замолаживать: тучки пошли. Не дай бог, думаю… Такое сено… Намочит, потом суши, почернеет, сгубится сенцо.

И решил я полегонечку его складать. А там, может, и сын подъедет. Я берегся, как доктор велел: не более двух килограмм. Небольшие навильнички брал, понемногу. Помаленьку складаю. А тучи идут… Издаля вижу: черная такая тучака, низкая, дождевая. Надо бы успеть. Заторопился, и вроде как сами собой навильники все больше становятся, все тяжельше. А туча уже на близу, дождем пахнуло. И, видно, я совсем подзабылся, ведь надо успеть. Последние пласты кладу. Чую — в напряг. Прикладок сложил. Дерюжкой накрыл его, жердями придавил. А тут сразу — ветер и ливень стеновой. Я — под крышу. Чую, щиплет глаза. Труха, видно, попала или пот. Умылся. Глянул, вроде какой-то туман. И как-то он все гуще и гуще. А потом и вовсе — темная ночь. Ничего не вижу. Теперь вот возят меня, — повернул он к сыну невидящие глаза. — В дело — не в дело. Туда да сюда. А проку?

— Погоди, — успокоил его сын. — Вот пройдем процедуры, может, и получшает… Вон сколь народу, все надеются, — убеждает он отца и себя. Тоже — не молоденький, на батю похожий: жилистый, в морщинах заветренное лицо, седые виски.

— Вот так-то вот, — со вздохом заключает старик, — сену спасал…

Обычно такие рассказы идут вперебой с оханьем, со слезой. А старик вроде даже подсмеивался над собой, над жизнью: «Сену спасал…»

Рядом сидящий сын слушает отца, вздыхает, эхом повторяя: «Сено спасал». Укора нет на лице его, в голосе. Он все понимает.